

Глава 2. Линь Хай вершит дела в Янчжоу

Линь Хай находился в самом расцвете сил, однако последние события изнурили его до предела. Сегодня старейшина Чжэн намеревался прощупать его пульс; он отказывался от осмотра вовсе не потому, что считал себя богатырём, просто семейные дела запутались настолько, что он не мог позволить себе ещё и слечь от хвори.

В кабинете горели свечи. Глядя на смертельную усталость, застывшую на лице хозяина, его самый доверенный советник не выдержал:

— Господин, уже поздно. Быть может, отложим подробный разговор до утра?

Линь Хай горько усмехнулся и устало махнул рукой:

— Я ценю твою заботу, Цзинчжи, но своё тело знаю лучше других. Государственные дела не ждут. Рассказывай, что удалось разузнать.

Ду Жо, носивший второе имя Цзинчжи, был старше Линь Хая на добрый десяток лет. Когда-то они вместе сдавали экзамен на степень цзюйжэня, но судьба оказалась к нему немилостива — дальнейший путь по чиновничьей лестнице для него закрылся. Линь Хай, ценивший общность их взглядов и выдающийся ум старого товарища, не пожелал, чтобы такой талант канул в безвестность, и пригласил его к себе на службу в качестве личного советника. Ду Жо платил за это признание преданностью, и за долгие годы они начали понимать друг друга с полуслова.

Понимая, что спорить бесполезно, Ду Жо уступил. Линь Хай лишь номинально числился инспектором соляного надзора в Янчжоу. На деле же он служил тайным оком государя в южных провинциях, обладая огромными, почти безграничными полномочиями для негласного контроля за местным чиновничеством. Подобное доверие монарха было великой честью, но и бремя было тяжким: Линь Хай неизбежно наживал себе смертельных врагов среди могущественных кланов Цзяннани. Недавнее резкое колебание цен на соль заставило его поручить Ду Жо тайное расследование, и предчувствия их не обманули — заговором веяло за версту.

Ду Жо протянул Линь Хаю пухлую тетрадь с отчётами и негромко вздохнул:

— Местная знать, особенно в Цзиньлине, совсем распоясалась — сказывается близость старой столицы. Влиятельные роды творят что хотят, позабыв о чести. Но пуще всех обнаглели Чжэни. Казнокрадство, вымогательства, бесчинства челяди, отбирающей пахотные земли у крестьян и доводящей бедняков до петли... Для этих людей законов Поднебесной более не существует.

Линь Хай углубился в чтение. Строчки цифр замелькали перед его глазами, и с каждым мгновением лицо его становилось всё мрачнее. Внезапным резким движением он смёл со стола фарфоровую пиалу, которая с сухим звоном разлетелась на осколки по полу.

— Негодяи! — выдохнул он, побелев от ярости. — Неужели Чжэни думают, что могут ладонью заслонить всё небо?! Ради собственной наживы обрекают людей на голодную смерть... Клянусь, я найду на них управу!

Гнев прервался тяжёлым, раздирающим грудь кашлем.

Ду Жо поспешно шагнул вперёд, осторожно придерживая хозяина за плечо:

— Успокойтесь, господин. Не стоит губить здоровье из-за этой сволочи, с Чжэнями нужно действовать тонко, взвешивая каждый шаг.

Цзинчжи не был трусом, однако за жизнь своего покровителя он по-настоящему боялся. Линь Хай воевал с домом Чжэнь с самого первого дня, как прибыл в Цзяннань. В прошлом году безвременно и при крайне загадочных обстоятельствах скончался малолетний сын Линь Хая — единственный наследник мужского пола. Ду Жо не сомневался, чьи руки были обагрены кровью младенца, но без неопровержимых улик обвинить столь могущественный клан было чистым безумием.

Линь Хай глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться. Семье Чжэнь он долг вернёт — и как верный слуга императора, и как безутешный отец. Но месть — блюдо холодное. Сейчас важнее всего было вернуть покой на рынки Цзяннани.

— Ладно, — твёрдо произнёс он, выпрямляясь. — Чжэней пока не трогаем. Но раз доказательства у нас на руках, начнём с соляных воротил. Посмотрим, кто ещё из этих лавочников готов рискнуть головой ради дружбы с Чжэнями.

Ду Жо почтительно поклонился:

— Будет исполнено, господин. Я лично займусь этим делом.

Заметив, что Линь Хай всё ещё хмурится, советник решил подбодрить его доброй вестью:

— Чжэни ведут себя столь дерзко лишь потому, что за их спинами маячит Великий князь Чжуньи. Однако из столицы доносят, что Великий князь Жуй одержал сокрушительную победу в южном походе и со дня на день прибудет во дворец. Он ведь единоутробный брат его величества, верный ему до последнего вздоха. С его возвращением тучи над престолом должны рассеяться.

Напряжение в плечах Линь Хая немного спало. Великий князь Чжунжуй, четвёртый сын старого императора и младший брат нынешнего государя, был живой легендой — Богом войны Великой Цинь, чьё имя заставляло трепетать врагов на границах. Пока он воевал на чужбине, Чжуньи, пользуясь благосклонностью отрёкшегося от престола императора-отца, теснил законного монарха. Но теперь, когда грозный полководец возвращался в столицу, Чжуньи

придётся померить свой пыл.

Но едва в мыслях Линь Хая всплыл этот образ, как он горько и едва заметно улыбнулся. Двенадцать лет... Ровно двенадцать лет назад он, блестяще сдав экзамены и удостоившись звания таньхуа, по воле покойной матери взял в жёны девицу Цзя. Вскоре после свадьбы матушка скончалась, и он, покинув столицу ради траура, больше туда не возвращался. Двенадцать долгих лет.

Ду Жо, надеявшийся порадовать хозяина, с беспокойством заметил, что тот помрачнел ещё сильнее. Советник растерялся, гадая, не пробежала ли когда-то чёрная кошка между Линь Хаем и великим князем Жуем. Но это казалось нелепым: Линь Хай — доверенное лицо государя, князь Жуй — его опора и родной брат, даже при отсутствии тёплых чувств враждовать им было не с чего.

— Господин?.. — тихо позвал Ду Жо.

Оклик советника заставил Линь Хая очнуться:

— Ничего, — поспешно проговорил он, прогоняя нахлынувшие призраки прошлого. — Задумался о былом. Возвращение князя Жуя, безусловно, укрепит положение его величества, но последнее слово всё равно останется за старым императором. Чжэни гребут золото лопатой не для себя — они шлют его в столицу, чтобы подпитывать притязания Чжуньи на трон. Наша задача проста: перерезать эту денежную жилу. Остальное решится само собой.

Они проговорили ещё долго, скрупулёзно обсуждая каждую деталь предстоящей облавы. Когда план был наконец утверждён, время близилось к часу Крысы. Поскольку Ду Жо постоянно проживал в поместье Линь на правах почётного гостя, будить слуг не пришлось — дежурный служка со светильником быстро проводил советника до его флигеля.

Линь Хай перешёл к решительным действиям, отбросив былую деликатность. Всего за несколько дней соляных магнатов, взвинтивших цены на рынках, прижали к ногтю: их лавки опечатали, имущество конфисковали в казну, а зачинщиков смуты без лишних церемоний бросили в темницу. Жизни их теперь висели на волоске. Младших отпрысков семейства Чжэнь, присланных в Янчжоу для острастки и прикрытия незаконных сделок, выпороли батогами — отсыпали по двадцать ударов каждому — и бесчувственными мешками швырнули у ворот родного поместья. Этот щелчок по носу привёл Чжэней в бешенство; они поклялись стереть Линь Хая в порошок.

Понимая, что враги пойдут на всё, Линь Хай удвоил бдительность. После трагической гибели маленького сына в прошлом году он железной рукой навёл порядок в доме, изгнав подозрительную прислугу. Теперь, едва покончив с государственными делами в управе, он спешил домой, чтобы ни на минуту не оставлять супругу и дочь без защиты.

Чжэни скрежетали зубами от бессильной злости, но сделать ничего не могли: возвращение великого князя Жуя спутало все карты их покровителям в столице. К тому же существовало ещё одно обстоятельство, скрытое от посторонних глаз. Чжэни знали: пусть Линь Хай и слыл доверенным лицом молодого императора, престарелый государь-отец тоже питал к нему необъяснимую благосклонность. Несколько лет назад, когда Чжэни попытались известить неугодного инспектора, Великий князь Чжунъи всю чернил Линь Хая перед отрёкшимся монархом. Однако старый император не только пропустил ядовитые речи мимо ушей, но и устроил сыну жестокую головомойку. Врагам оставалось лишь сетовать на невероятную, сверхъестественную удачливость Линь Хая.

Но если открытый удар нанести не удалось, Чжэни нашли способ досадить исподтишка. Всего через две недели Линь Хай получил письмо из столицы от семейства Цзя. Писала сама Матушка Цзя. Вместо того чтобы осведомиться о здоровье чахнувшей дочери, престарелая матрона обрушилась на зятя с суровыми упреками в «чрезмерной жесткости и неблагодарности». Старуха пустилась в пространные рассуждения о вековой дружбе между домами Цзя и Чжэнь и высокомерным тоном старшей в роду потребовала, чтобы Линь Хай немедленно пошёл на мировую с обиженными купцами.

Линь Хай, пробежав глазами строки, едва не рассмеялся от горькой обиды и злости. Оберегая покой тяжелобольной супруги, он спрятал письмо подальше, решив ни в коем случае не показывать его Цзя Минь. В глубине души он укрепился в намерении держаться от родни подальше. Ещё после кончины тестя он заприметил, что величие дома Цзя катится к закату. Он надеялся протянуть им руку помощи в случае нужды, но теперь осознал: со смертью старого патриарха в этом семействе не осталось ни единой светлой головы. Связаться с Чжэнями! Какое безумие.

Однако шило в мешке утаить не удалось. Вместе с письмом из столицы прибыли посланники от дома Цзя, якобы навестить больную госпожу. Вот только о здоровье Цзя Минь столичные гости расспрашивали неохотно, зато наперебой передавали гневные слова Матушки Цзя, упрекая Линь Хая в неуважении к старшим. Слабое сердце Цзя Минь не выдержало столь жестокого удара. Гости ещё не успели покинуть гостевой зал, как несчастная женщина зашлась кашлем, брызнула на шёлковую простыню тёмной кровью и лишилась чувств.

Линь Хай примчался на женскую половину слишком поздно. Вне себя от ярости он приказал слугам немедленно вышвырнуть столичных наглецов вон, но непоправимое уже свершилось — угасающая жизнь едва теплилась в теле его супруги.

Линь Хай не отходил от постели жены ни на шаг. Сердце его сжималось от жалости при виде исхудавшего, бледного лица Цзя Минь. Пусть когда-то он женился на ней лишь во исполнение сыновнего долга, за долгие годы совместной жизни они проросли друг в друга душами. Цзя Минь хоть и принадлежала к роду Цзя, не унаследовала их спеси и невежества. Нравом она пошла в своего отца, великого гуна Жунго: была остра умом, начитанна и тонка. Линь Хай порой думал, что встретиться они при иных обстоятельствах, их брак скрепила бы не только холодная супружеская почтительность, но и страстная любовь. Но прошлого не воротишь. И пусть он никогда не брал наложниц и чтит жену, глубоко внутри его не оставляло глухое чувство вины перед ней.

Цзя Минь медленно приоткрыла глаза. Увидев осунувшееся лицо мужа, она тихо, едва слышно прошептала:

— Я лишь обременяю тебя, супруг...

— Глупости не говори, — мягко упрекнул её Линь Хай, сжимая её холодные пальцы. — Мы делили и радость, и горе. Какое тут бремя? Твоё выздоровление сейчас — самое важное для меня.

Заметив, что она пытается приподняться, он бережно приобнял её за плечи, помогая опереться на подушки. Цзя Минь слабо улыбнулась, прижавшись к его плечу, но воспоминания о дневном разговоре заставили её перестать улыбаться.

— Не терзай себя напрасно, — попытался успокоить её Линь Хай.

Цзя Минь покачала головой, и в глазах её блеснули слёзы:

— Ты ведь знаешь, супруг... Я была младшей в семье, любимицей. Мне казалось, ради памяти обо мне матушка примет нашу Юй-эр как родную, окружит её теплом. Но увы... Я слишком переоценила их любовь. Позабудь мои прошлые слова, умоляю. Не отдавай им дочь.

Линь Хай ласково погладил её по волосам:

— Минь-эр, не думай о плохом. У тебя есть я. И наша Юй-эр.

— Да... — со слабой надеждой прошептала она. — У меня есть вы.

В этот момент двери покоев тихо зашуршали. Проведав, что матушка пришла в себя, в комнату торопливо вбежала маленькая Дайюй.

— Матушка! — раздался её звонкий, дрожащий от слёз голосок.

Хрупкая детская фигурка проскользнула к постели и прильнула к груди Цзя Минь.

Обнимая своё единственное дитя, Цзя Минь зашептала сквозь слёзы:

— Юй-эр, деточка моя, не плачь... Мама здесь, хорошая моя.

Дайюй подняла личико, мокрое от слёз, и умоляюще посмотрела на мать:

— Матушка, не оставляй меня! Братика больше нет... Но у тебя осталась я! Я буду послушной, только не уходи!

Цзя Минь прижала дочь к себе крепко-крепко, содрогаясь от рыданий:

— Да, родная моя... У меня есть ты.

Линь Хай обнял жену и дочь, укрывая их своими широкими рукавами, словно защищая от всех невзгод огромного, безжалостного мира. Это была его семья, его сокровище, и он готов был отдать всё, чтобы сберечь их хрупкое счастье.

<http://bllate.org/book/18189/1751596>